

УДК 930.2:1(470)
ББК 63.01:87.3(2)53-697

П.А. ФЛОРЕНСКИЙ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

А.В. ЗЯБЛИКОВ

Костромской государственной университет
ул. Дзержинского, 17, г. Кострома, 156014, Российская Федерация
E-mail: a.zyablikov@yandex.ru

Рассматриваются особенности исторического мышления П.А. Флоренского. Дается обзор основных работ мыслителя, в которых он формулирует свое понимание истории и исторического познания. Обосновывается внутренняя связь между историческими идеями П.А. Флоренского и его учением о дискретности и антиномичности как универсальных принципах бытия, представлениями философа об имманентных ритмах движения культуры. Выявляется родство идей П.А. Флоренского с культурно-исторической монадологией Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби. Дана характеристика предложенной П.А. Флоренским исторической методологии, отрицающей законы «прямой перспективы». Анализируются представления П.А. Флоренского о смысле истории и культуры. Обосновывается понимание П.А. Флоренским исторического кризиса как заведомого блага, таящего в себе возможность изменения и роста. Анализируются концепты «конец истории» и «другая» история», берущие свой отсчет в точке перехода человека в иное качественное состояние. В контексте этих представлений рассматривается учение П.А. Флоренского о теократии как наименее враждебной человеку форме государственного позиционирования. Делается вывод о том, что опровержение линейности истории, будто бы имеющей некий имманентный замысел и движущейся к какому-то своему логическому осуществлению, – примета, характеризующая историософский дискурс религиозных мыслителей Серебряного века.

Ключевые слова: нарративная история, ренессансный гуманизм, конец истории, теократический строй, дискретность, сизигия, кризис культуры, религиозная философия, синархия, архетип, гуманизм

P.A. FLORENSKY: REFLECTIONS ON HISTORICAL KNOWLEDGE

A.V. ZYABLIKOV

Kostroma State University
17, Dzerzhinsky St., Kostroma, 156014, Russian Federation
E-mail: a.zyablikov@yandex.ru

The article analyses the features of the historical research of P.A. Florensky. It gives a review of the main works of the thinker, in which he formulates his understanding of history and historical knowledge. The article reveals the internal connection between the historical ideas of P.A. Florensky and his doctrine of discreteness and antinomicity as the universal principles of being as well as the philosopher's ideas about the immanent rhythms of the movement of culture. It shows the common grounds of P.A. Florensky's ideas and the cultural-historical monadology of N.Y. Danilevsky, O. Spengler, A. Toynbee. The historical methodology proposed by P.A. Florensky denies the laws of "direct perspective". P. A. Florensky's representations concerning the meaning of history and culture are analyzed. His understanding of historical crisis as a blessing harboring in itself the possibility of change and growth. He offers his own understanding of the "end of history" and "another" history, taking its

standpoint from that a person's change to a different qualitative state. In this context Florensky's teachings view theocracy as the least hostile form of government and the ideas about "extrapresence" as the most reasonable form of political positioning. The refutation of the linearity of history, as if having some immanent intent and moving towards some kind of logical realization, is a sign that characterizes the historiographical discourse of religious thinkers of the Silver Age.

Keywords: *narrative history, renaissance of humanism, the end of history, theocratic system, discreteness, syzygy, cultural crisis, religious philosophy, synarchy, archetype, humanism*

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.2.101-114

В первой половине XX столетия П.А. Флоренский был удобной мишенью для критических стрел как выразитель наиболее «ретроградной» концепции истории. Мыслители не могли простить проповеди исторического фатализма в эпоху, охваченную мироустроительным азартом. Наиболее показательным суждением Г.В. Флоровского: «Истории Флоренский не чувствует, он не живет в истории, у него нет исторической перспективы, у него нет органического чутья процесса...» [1, с. 357]. Попробуем предположить, что истинная цена тех исторических перспектив, что открылись позитивистскому сознанию социалиста, либерала, и беспартийного обывателя, была философом определена¹. Иллюзорность политики, ищущей коротких путей к общественному благоденствию, претендующей на какое-то особое знание о мире и соблазняющей этим знанием других, была очевидна для мыслителя. Его убежденность в неподотчетности исторических событий человеческим планам была не сконструирована в кабинетной тиши, а выстрадана и глубоко осмыслена. В апреле 1937 года П.А. Флоренский писал с Соловков дочери Ольге: «Меня поражает бессмысленность человеческих действий, не находящих себе оправдания даже в своекорыстии, поскольку люди действуют в ущерб и собственным интересам» [3, с. 692]. Кровавая история XX в., творившаяся под знаменем свободы, справедливости, гуманизма, прогресса, является убедительным свидетельством этой катастрофической алогичности истории.

История присутствует в каждой строчке П.А. Флоренского – независимо от того, о чем идет речь: об изографии, математике или языке. На эту особенность обращает внимание О.И. Генисаретский: всякое суждение и всякий научный дискурс П.А. Флоренского следует рассматривать как «осуществление единой творческой программы», цель которой – выявление первооснов культуры². Это, по определению П.А. Флоренского, «круговая порука» тем, синархия –

¹ С.С. Неретина предположила, что «неисторичность» П.А. Флоренского отчасти связана с той возможностью, которую предоставляет история «для отступничества разума от твердого Божественного основания» (см.: Неретина С.С. Бердяев и Флоренский о смысле исторического // Вопросы истории. 1991. № 3. С. 82 [2]).

² См.: Генисаретский О.И. Пространственность в иконологии и эстетике священника Павла Флоренского // Флоренский П.А., свящ. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000. С. 42 [4].

ритмическая пульсация мыслей, отношения между которыми произвольны³. Методология исторического познания роднит П.А. Флоренского с В.В. Розановым. Строение их мыслительной ткани «сетчатое», где «всякий путь смыкается в самого себя», где «водовороты первичных интуиций» сгоняются автором в один «затон». «Мы не должны подрисовывать соединительные протоки мысли там, где они не выступили сами собой, – писал П.А. Флоренский, – хотя навесть их было бы, бесспорно, и соблазнительнее и легче...» [5, с. 26]. Художническому восприятию мира в большей степени присуща «разноцентрированность» – в противовес рационалистской «одноцентричности» политиков, склонных подгонять жизненную фактуру под законы «прямой перспективы» (заранее установленный масштаб и угол зрения), а значит, обедняющих свое представление о предмете или явлении.

П.А. Флоренский не отрицает исторический процесс, но мыслит его, в первую очередь, как изменение духа. Философ имел свое, очень устойчивое и отчетливое ощущение истории, по существу пребывавшее неизменным с 1899 года, с момента мировоззренческого «обвала». «Все проходит, но все остается, – писал П.А. Флоренский детям, – это мое самое заветное ощущение... <...> Ценность пребывает, хотя мы и перестаем воспринимать ее. И подвиги, хотя бы о них все забыли, пребывают как-то и дают свои плоды» [6, с. 203]. Для мыслителя важен не столько «маршрут», сколько «аромат» истории. По мнению П.А. Флоренского, в истории многое происходит «непонятно как»⁴. Потому внешне нелепые устои народного бытия, культуры оказываются мудрее и жизнеспособнее «общественных» установлений⁵. Потому философ признавал конкретную историческую ценность мистических прозрений Серапиона Машкина и Анны Шмидт наряду с трудами классиков исторической мысли.

Мыслитель отвергает нарративное понимание истории, когда за факт зачастую выдается гипотеза, реконструкция или – того хуже – интерпретация исторического события. В лекциях «Об историческом познании» (1916–1917 гг.) Флоренский подвергает сомнению само существование исторической науки, поскольку классическая наука нацелена на формулировку законов, смысл которых в обобщении и генерализации сущего, – в истории же на первый план выходит единичное, индивидуальное. Более того, значительность исторического события измеряется именно степенью удаленности от закономерного и обобщенного. «История принципиально отворачивается от закономерностей», – пишет П.А. Флоренский [9, с. 13]. Если история и является наукой, то наукой идеогра-

³ См.: Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Имена: Сочинения. М.: Эксмо-пресс; Харьков: Фолио, 1998. С. 28 [5].

⁴ См.: Флоренский П.А. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 2 / сост. и общ. ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1996. С. 353 [7].

⁵ П.А. Флоренский признавался в давнем ощущении того, что истину ему откроет лишь «простой человек» (см.: Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней // Флоренский П.А. Имена: Сочинения. С. 693 [8]).

фической – описывающей единичное. Речь, заметим, идет не о бесконечном множестве отдельных предметов, а о единичных проявлениях, способных образовывать единство, целостность: «Хотя и занятая единичным, история не распадается в единичности этих предметов, ибо культура как осуществление царства целей сама образует единство и сама есть единый объект целей – по крайней мере в принципе» [9, с. 23]. Сочетание элементов, формирующих тело истории, неповторяемо и бесконечно разнообразно. У человеческого существования есть своя «монотонная» сторона, доступная статистическому учету, однако живое дыхание истории – она всегда есть внутреннее напряжение, творчество, рост – неизменно путает эти карты, опровергает, казалось бы, уже установленные причинно-следственные связи. История, по П.А. Флоренскому, мало подобна движению планет вокруг Солнца по строго определенной эллипсоидной траектории – история есть вечное отрицание установленного, заданного. Задача историка состоит в постижении смыслообразующей энергии, рождаемой культурой. Поэтому особое значение мыслитель придает такой области исторического знания, как генеалогия: человек не должен ощущать свою бесприютность и безродность, «культурная масса личности» тем выше, «чем глубже выросла она в прошлое»⁶. Генеалогия – доступная всем сфера исторического познания. Она, по утверждению мыслителя, не только дает бесценный исторический материал, но и рождает особую меру ответственности перед младшим поколением.

Опровержение линейности истории, будто бы движущейся к какому-то своему логическому осуществлению, – примета, характеризующая историко-философский дискурс религиозных мыслителей Серебряного века. С.Л. Франк в трактате «Духовные основы общества» (1930 г.) иронично прошелся по ограниченному позитивистскому истолкованию истории, предложив такое ее деление на этапы: «1) от Адама до моего дедушки – период варварства и первых зачатков культуры; 2) от моего дедушки до меня – период подготовки великих достижений, которые должно осуществить мое время; 3) я и задачи моего времени, в которое завершается и окончательно осуществляется цель всемирной истории» [10, с. 30]. Находится доля горькой иронии и у П.А. Флоренского, говорящего о недомыслии человека, считающего таковым лишь самого себя и видящего прошлое как «животноподобное состояние»: «Человек прошлого, далекого прошлого, был человечнее и тоньше, чем более поздний, а главное – не в пример благороднее» [11, с. 686]. Парадоксальное суждение П.А. Флоренского о хвосте как «затаенном желании» человека напрямую связано с глубоким ощущением того, что история человечества есть история невосполнимых утрат⁷. Смысл истории и конкретная жизнь конкретного человека превращаются в фикцию, если исходить из временных характеристик процесса и считать

⁶ См.: Флоренский П.А. Об историческом познании // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 3(2). С. 29 [9].

⁷ См.: Флоренский П.А. Письмо А.М. Флоренской, детям и М.В. Юдиной // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 4. С. 443 [12].

каждую конкретную эпоху лишь этапом на пути достижения некоей главной цели. С.Л. Франк поясняет: «Единственный возможный смысл истории заключается... в том, что ее конкретное многообразие во всей его полноте есть выражение сверхвременного единства духовной жизни человечества» [10, с. 30]. Сравним с суждением, сформулированным П.А. Флоренским в исследовании «Анализ пространственности (и времени) в художественно-изобразительных произведениях» (1924–1925 гг.): «Мы живем сегодня не для завтрашнего дня, а для сегодняшнего, или точнее сказать – и сегодня, и завтра, и послезавтра живем ради цельности, ни одним днем не исчерпываемой, но вместе с тем и всяким днем символически знаменуемой» [13, с. 204].

Неслучайно, принимая шеллингианское разделение истории на *Geschichte* («простое бытие (*Werden*), последовательность событий, не направленных в определенную сторону и потому не дающих восприятия времени в собственном смысле слова») и *Historie* (последовательность событий, «развертывающих некий имманентный замысел, идею»), П.А. Флоренский отдает предпочтение первому качеству: «Так вот, я живу в *Geschichte* в доисторическом времени, и об Истории мне даже неприятно думать. Это нечто вроде “идиотизма деревенской жизни”. <...>... идиот в древнем смысле слова – вовсе не слабоумный, а частный человек, не участвующий в исторической жизни, живущий в себе, вне связи с обществом. Быть идиотом – это, пожалуй, наилучший удел, особенно если бы можно было идиотствовать до конца, то есть сделаться полным идиотом» [14, с. 627]. В труде «У водоразделов мысли» (1922 г.) о. Павел воспроизводит монолог человека, уставшего от насильственного «благодетельства» цивилизации: «И вот в итоге, я... не беру на себя обузы входить в ваши нетрудовые контрверзы, делать какие-то выборы и усовершенствования. Может быть, ваши построения по-своему и великолепны, как был великолепен в свое время и этикет при дворе Короля-Солнце. Но что мне до того – и до ваших тонкостей, и до Версальских. Мое дело маленькое, моя короткая жизнь и мой человеческий масштаб; и я без раздражения и гнева просто отхожу от жизни – от жизни-забавы, и живу по-своему» [5, с. 339]. Звучащая здесь трагическая ирония оправдана драматичным контекстом, но она не заслоняет от нас того значения, которое придавал мыслитель частной жизни человека и антиномии личность-общество. Вариант ее разрешения П.А. Флоренский анализирует в трактате «Понятие Церкви в Священном Писании» (1906 г.). Сравнивая Послания апостола Павла к римлянам и коринфянам, он пишет: «Если в первом случае Апостол как бы говорит: “помни, что ты – отдельный член, и потому не мечтай о себе, не приписывай себе тех функций, на какие ты не способен”, то во втором Апостол как бы продолжает предыдущий аргумент: “однако и Целое Тело, и ты сам, как отдельный орган, нуждаешься в сотрудничестве всех остальных. Ты связан со всеми членами и потому, сотрудничая им, живи в любви с ними, что есть дар наивысший”» [15, с. 447].

Торжество эволюционистской доктрины мыслитель связывал с историческим незнанием, уводящим в сторону иллюзионизма. Идеи культурного реляти-

визма легли в основу курса лекций по истории философии для Московской духовной академии, над которыми философ работал с 1908 по 1917 г. П.А. Флоренский отрицает «элементарность» древней философии и общественного уклада. Ссылаясь на мнение немецкого историка Р. фон Пельманна, высказанное в работе «Основы греческой истории и источниковедения» (1909), о возможности проецировать социальные идеи прошлого на сегодняшний день, П.А. Флоренский формулирует тезис о «типичности» греческой истории⁸. В частности, речь идет о неумирающей актуальности платоновских и аристотелевских идей государства, о наличии уже в Древней Греции капиталистических отношений, а также их обязательных атрибутов – пауперизма, пролетариата, социально-классовых конфликтов и т.д. По мысли П.А. Флоренского, наличие культурных архетипов античного мира вынуждает или вообще отказаться от идеи развития, или «признать у греческой истории глубоко залегающую подземную стройку – пра-историю»⁹. В этой связи характерен интерес философа к достижениям минойской культуры. П.А. Флоренский не исключал факт существования Атлантиды. Тем не менее мыслитель не склонен рассматривать Эгеиду как фундамент греческой культуры, а последняя, в свою очередь, не рассматривается как базис западноевропейских ценностей.

В очерке, написанном П.А. Флоренским около 1925 г. о самом себе для энциклопедического словаря Русского библиографического института Гранат, философ лаконично формулирует суть своей концепции культуры: культура есть не процесс, а состояние, к ней не применима идея прогресса. Нет единой мировой культуры и истории: отдельные культуры подчиняются двум последовательно сменяющимся типам культуры: средневековому («созерцательно-творческому») и возрожденческому («хищническо-механическому»). Для первого характерны органичность, объективность, конкретность, самособранность, для второго – раздробленность, субъективность, отвлеченность, поверхностность¹⁰. Главной жизнеобразующей силой культуры является религия, посему религиозный культ первичен по отношению к культуре. Основным законом мира П.А. Флоренский полагает закон энтропии (энтропия – мера внутренней неупорядоченности системы, или, по определению С.Д. Хайтуна, мера плотности распределения энергии материи¹¹). Таким образом, смысл культуры – в борьбе с мировым уравниванием, в «задержке уравнительного процесса вселенной». Современная наука признает универсальный характер энтропии, ее применимость к различным, в том числе социальным, явлениям. Однако при-

⁸ См.: Флоренский П.А. Первые шаги философии // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 2. С. 76–77 [16].

⁹ См.: Флоренский П.А. Первые шаги философии. С. 76–77.

¹⁰ См.: Флоренский П.А. (автореферат) // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / сост. и общ. ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1994. С. 39 [17].

¹¹ См.: Хайтун С.Д. Фундаментальная сущность эволюции // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 153 [18].

знается и то, что взаимосвязь энтропийных сил и эволюционного процесса остается одной из непроясненных, дискуссионных научных проблем.

Типичность культуры, по П.А. Флоренскому, означает не безличность, взаимозаменяемость или стыкуемость культур, но их обязательное следование имманентным ритмам: средневековый тип, основанный на теоцентризме, сменяется возрожденческим, концептуальным содержанием которого является антропоцентризм. Движение истории, таким образом, подобно не течению реки, влекущей свои воды к океану последних свершений, а скорее прерывной разнонаправленной поступи – причем каждый участок пути здесь самоценен и самодостаточен. В этом смысле история Западной Европы тождественна, скажем, истории Атлантиды.

В исследовании «У водоразделов мысли» П.А. Флоренский формулирует свое понимание кризиса и упадка культуры, связанных с наступлением цивилизации, превращающей творческое объединение людей в «механическую смесь», предлагающей в качестве умственных координат отвлеченные схемы. Обездушенная цивилизация неизбежно падет, однако произойдет это не в результате яростного столкновения с ее постулатами (это, напротив, обеспечивает дряхлеющему телу приток жизненных сил). Человек должен «без спора, без упреков, без гнева» уйти из ветшающего здания цивилизации, и тогда оставленное строение разрушится само собой, в силу естественного порядка вещей: «История претерпевает величайшие сдвиги не под ударами многопудовых снарядов, а от иронической улыбки. И не по бенгальским огням и tutti оркестра узнается конец исторического зона, а по обращенности глаз более зорких в противоположную от наличной культуры сторону горизонта» [5, с. 336]. Культурософские взгляды П.А. Флоренского близки культурно-исторической «монадологии» Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби. С последним П.А. Флоренского роднит теория «надлома» культуры (у А. Тойнби – цивилизации), за которой она переходит в иное качественное состояние.

В культурософии П.А. Флоренского находит свое выражение идея дискретности, которую мыслитель считал, наряду с антиномичностью, универсальным принципом бытия. Под этим углом зрения стоит взглянуть и на проблему «эволюционизма-революционизма» (тоже антиномия!) как альтернативных путей общественного устройства. Традиционное отождествление консервативной политической идеи (а к ее носителям мы с легкостью относим, например, мыслителей «веховского» направления, как и самого П.А. Флоренского) с проповедью охранительства, постепенства, эволюционизма излишне упрощает проблему. Без противоречия нет явления. Поясняя эту мысль, философ пользуется термином *сизигия*, то есть пара, пребывающая в сопряжении¹². Любая кризисная эпоха, по П.А. Флоренскому, несет с собой не только разрушение и страдание, но и надежду на религиозно-нравственное преображение жизни. Кризис (революция) предполагает торжество религиозного, обществен-

¹² См.: Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Имена: Сочинения. С 193.

ного скептицизма, который, будучи лишенным собственного содержания, неизбежно приходит к опровержению самого себя.

Характерно суждение П.А. Флоренского, высказанное им в письме хозяйке абрамцевской усадьбы А.С. Мамонтовой в июле 1917 г.: «...исчерпав себя, нигилизм докажет свое ничтожество... и тогда, после краха этой мерзости, сердца и умы уже не по-прежнему, вяло и с оглядкой, а наголодавшись, обратятся к русской идее, к идее России, к Святой Руси. <...> Я уверен, что худшее еще впереди, а не позади, что кризис еще не миновал. Но я верю в то, что кризис очистит русскую атмосферу, даже всемирную атмосферу, испорченную едва ли не с XVII века» [19, с. 409]. Кроме того, уж коль скоро зло имманентно присутствует в мире (притом, что благом является добро), нужно уметь с ним «заранее как-то посчитаться в душе»¹³. Этот совет звучит в том же письме А.С. Мамонтовой. Много раз эту мысль П.А. Флоренский повторяет в письмах 1933–1937 гг. с Дальнего Востока и Соловков. Философ писал сыну Василию в ноябре 1933 г.: «...все происходящее имеет свой смысл и делается так, что в общем итоге жизнь направляется к лучшему. Неприятностей в жизни не избежешь, но неприятности, перенесенные сознательно и в свете общих явлений, воспитывают и обогащают, а в дальнейшем приносят свои положительные плоды» [20, с. 45]. Уродливое пребывает в жизни – гармония существует «пред внутренним взором человека». Эту позицию П.А. Флоренский отождествлял с древнеэллинским пониманием жизни, называл «трагическим оптимизмом»¹⁴. Нам становится ясна природа того стоического спокойствия, с которым философ воспринял события 1917–1922 гг. и с которым он шел на социалистическую «голгофу» в 1930-е годы.

Поглощенность сознания количественными характеристиками (категорию количества П.А. Флоренский считал своим «врагом»), увлеченность различного рода сциентистскими схемами (а схематизм всегда, по мнению философа, свидетельство слабости мысли), абсолютизация права собственного «Я» есть основа ренессансного миропонимания, уводящего человека от подлинных смыслов, превращающего символы реальности в ее суррогаты: «Так человечество погружалось... в утрату связи с миром и в пустоту, а отсюда и необходимое следствие – скука, уныние, разъедающий скептицизм, утрата здравого смысла» [21, с. 599]. Сопоставлению двух типов культуры посвящена значительная часть работы «У водоразделов мысли». Из «сладких корней» Возрождения выросли «горькие плоды» – кантианство и связанная с ним канонизация европейской буржуазной цивилизации XIX столетия, европейское Просвещение, решившее втиснуть живую жизнь в рассудочные схемы, предложившее человеку мнимокончательную модель «перевоспитания». Поведенческим кодексом человека Нового Времени стало желание «избавиться от всякой реаль-

¹³ См.: Флоренский П.А. Письмо А.С. Мамонтовой // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 2. С. 410 [19].

¹⁴ См.: Флоренский П.А. Письмо А.М. Флоренской, детям и М.В. Юдиной. С. 440.

ности, чтобы «хочу» законодательствовало вновь строящейся действительностью, фантазмагоричной, хоть и заключенной в разграфленные клетки». Пафос средневекового (и античного) человека иной: он предполагает «благодарное приятие и утверждение всякой реальности как блага», он стремится «быть реальностью... среди реальностей»¹⁵.

Рассуждая о В. Шекспире как о выразителе кризиса возрожденческого гуманизма, П.А. Флоренский замечает, что ренессансная культура «устраняет человека как начало новых рядов причинности», лишает его корней, превращает в «игралолице стихий» – в том числе в государственной и общественной жизни¹⁶. Революционные потрясения 1905 и 1917 гг. стали прямым следствием мировоззренческого сдвига, состоявшего в секуляризации сознания и грубом поклонении материальной культуре. Именно так объяснял причины социального взрыва и мировой войны профессор Московского университета Л.М. Лопатин в «Тезисах Всемирного союза возрождения христианства» (1918 г.), к которым П.А. Флоренский отнесся с сочувственным вниманием¹⁷. В частности, он писал: «Не трудно объединить и все человечество в некоторой гуманистической пустоте. Человечеству нужно не объединение само по себе, а жизнь в истине и любви» [23, с. 553].

В своем основном труде «Столп и утверждение Истины» (1914 г.) П.А. Флоренский не единожды возвращается к разговору об изъянах человекобожеского гуманизма: «Утверждение себя, как себя, без отношения к другому, – то есть к Богу и ко всей твари, – само-упор вне выхождения из себя и есть коренной грех...» [24, с. 177]. 19 мая 1914 г. во вступительном слове перед защитой магистерской диссертации П.А. Флоренский пояснил, что сам труд был задуман как поиск путей и «ходов мысли» от греховного самообожения к признанию того, «что Бог есть Бог, а не узурпатор святого имени»¹⁸. Это была первая часть замысла – теодицея (оправдание Бога). Вторая часть – антроподицея (оправдание человека, обретение себя через усмотрение своего «несоответствия правде Божьей») – не состоялась¹⁹. Одно из объяснений тому лежит на поверхности: слишком уж очевидной была степень этого несоответствия в кризисную эпоху войн и революций, слишком явно была обозначена неспособность человека это несоответствие признавать.

¹⁵ См.: Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Имена: Сочинения. С. 53–54.

¹⁶ См.: Флоренский П.А. Письмо А.М. Флоренской и детям // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 4. С. 379 [22].

¹⁷ Содержание лопатинских «Тезисов Восточной Православной Церкви» и тезисов ВСВХ, как и явившаяся откликом на них «Записка о христианстве и культуре» (1923) П.А. Флоренского, в целом соответствуют духу экуменического движения.

¹⁸ См.: Флоренский П.А. Разум и диалектика // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 2. С. 133 [25].

¹⁹ Причины незавершенности антроподицеи структурированы К.Г. Исуповым (см.: Исупов К.Г. Павел Флоренский: наследие и наследники // П.А. Флоренский: pro et contra. Личность и творчество Павла Флоренского в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Изд-во Русской Христианской Гуманитарной академии, 2001. С. 19–22 [26]).

В контексте размышлений о религии, истории и культуре политические дискуссии начала XX в., скажем между кадетами и октябристами, вероятно, представлялись П.А. Флоренскому чем-то вроде спора тупоконечников и остроконечников. Политическая партийность, по мнению мыслителя, есть одно из самых опасных заблуждений, поскольку она постулирует человека в его «недовоплощенном» качестве, провозглашает «обожение» узко-локальных сфер жизни.

Около 1905 г. в философском кружке Московской духовной академии П.А. Флоренский сделал доклад «О цели и смысле прогресса», в котором изложил свою теорию государства и уточнил мотивы политического «внеприсутствия» как поведенческой стратегии (комментаторы считают, что названные тезисы тождественны неизвестной статье П.А. Флоренского «Абсолютизм и монархия»). Эта интересная работа – своего рода историософская теорема: система аргументов, предложенная мыслителем, отличается почти математической логикой и категоричностью. П.А. Флоренский выделяет два «закона», два принципа построения государства: иерархический (теократический) и анархический (антропократический). Основа первого – «внутренняя стройность» и «многообразность в единстве», свободное следование всех членов общества одному безусловному (неюридическому!) закону, главная особенность второго – «внутренняя нестройность, однообразность в дробности», принуждение с помощью юридической регламентации жизни²⁰. Теократический строй – желаемая, но, увы, нереализуемая модель общественного устройства. Причиной тому – извращенная суть человека, его «любовь ко злу», проявляющаяся с той или иной интенсивностью. Анархический строй, построенный на внешнем принуждении и стремящийся к «естественной гармонии эгоизмов», реально осуществим, но неизбежно ведет к «коллективному помешательству» и самоуничтожению. Какие характеристики могут лучше передать состояние мира в начале XXI в! Отягощенное грузом социальных, экономических, экологических, демографических и прочих проблем, живущее под угрозой техногенной катастрофы и прицелом террориста-смертника, испытывающее на себе ежесекундное агрессивное воздействие информационного поля, мировое сообщество уже не видит выхода из цивилизационного тупика.

Получается, что один строй желателен, но не осуществим, другой – осуществим, но нежелателен. Преодолеть это противоречие, утверждая как способ его разрешения «абсолютный пессимум» – атараксию, невозможно, ибо отказ от всякой деятельности отрицает саму жизнь. Следовательно, нужно признать, что тезис о нежелательности анархического строя и невозможности строя теократического уместен лишь «применительно к человеческой природе и человеческой жизни»²¹. Вывод П.А. Флоренского: приведение общества в «должный» порядок возможно только при условии «качественного преобразования челове-

²⁰ См.: Флоренский П.А. О цели и смысле прогресса // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 1. С. 198 [27].

²¹ Там же. С. 202.

ческой природы». Точку перехода человека в иное качественное состояние, а стало быть и качественное изменение всей жизни, мыслитель называет «концом истории»²². Для П.А. Флоренского это понятие наполнено позитивным, жизнеутверждающим смыслом и ни в коей мере не тождественно апокалиптическому «концу света».

Таким образом, П.А. Флоренский признавал возможность идеального человеческого общежития, но оно будет фактом уже какой-то «другой» истории. Меру утопичности этой концепции каждый вправе определить самостоятельно. Ее непросто принять, но еще труднее опровергнуть.

Осмысление П.А. Флоренским содержания и движения истории смыкается с вопросом о пространстве, который мыслитель считал одной из основных проблем миропонимания. Современная П.А. Флоренскому действительность оставляла человеку мало возможностей для уяснения важных деталей: политическое и социальное теоретизирование обретало разрушительную мощь беспрекословного и всё объясняющего знания. Суть политики – в стремлении упразднить объем исторического *пространства* путем создания плоского симулятивного образа мира, претендующего на единственность и безусловность. Если философ и художник исходят из того, что любая модель гипотетична, то политик склонен верить в осуществимость теоретического построения. В контексте этих размышлений вопрос о том, «что безопаснее в социально-политическом смысле: утопическая мечта или утопическое реформаторство», становится риторическим.

Список литературы

1. Флоровский Г.В. Пути русского богословия // П.А. Флоренский: pro et contra. Личность и творчество Павла Флоренского в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Изд-во Русской Христианской Гуманитарной академии, 2001. С. 357–361.
2. Неретина С.С. Бердяев и Флоренский о смысле исторического // Вопросы истории. 1991. № 3. С. 67–83.
3. Письмо П.А. Флоренского А.М. Флоренской и детям. 4 апр. 1937 г. // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / сост. и общ. ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1998. С. 689–694.
4. Генисаретский О.И. Пространственность в иконологии и эстетике священника Павла Флоренского // Флоренский П.А., свящ. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000. С. 9–48.
5. Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Имена: Сочинения. М.: Эксмо-пресс; Харьков: Фолио, 1998. С. 15–340.
6. Письмо П.А. Флоренского О.П. Флоренской и детям. 6–12 апр. 1935 г. // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / сост. и общ. ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1998. С. 202–210.
7. Флоренский П.А. Троице-Сергиева Лавра и Россия // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 2 / сост. и общ. ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1996. С. 352–369.

²² См.: Флоренский П.А. О цели и смысле прогресса. С. 203.

8. Флоренский П.А. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней // Флоренский П.А. Имена: Сочинения. М.: Эксмо-пресс; Харьков: Фолио, 1998. С. 663–882.
9. Флоренский П.А. Об историческом познании // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 3(2) / сост. и общ. ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 2000. С. 8–66.
10. Франк С.Л. Духовные основы общества // Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. С. 13–146.
11. Письмо П.А. Флоренского О.П. Флоренской и детям. 23 марта 1937 г. // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / сост. и общ. ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1998. С. 685–689.
12. Письмо П.А. Флоренского А.М. Флоренской, детям и М.В. Юдиной. 17–20 апр. 1936 г. // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / сост. и общ. ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1998. С. 439–447.
13. Флоренский П.А. Анализ пространственности (и времени) в художественно-изобразительных произведениях // Флоренский П.А., свящ. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М., 2000. С. 81–258.
14. Письмо П.А. Флоренского О.П. Флоренской и детям. 23–24 дек. 1936 г. // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / сост. и общ. ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1998. С. 624–627.
15. Флоренский П.А. Понятие Церкви в Священном Писании // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 2 / сост. и общ. ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1996. С. 318–489.
16. Флоренский П.А. Первые шаги философии // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 2 / сост. и общ. ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1996. С. 61–130.
17. Флоренский П.А. (автореферат) // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / сост. и общ. ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1994. С. 37–43.
18. Хайтун С.Д. Фундаментальная сущность эволюции // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 151–166.
19. Письмо П.А. Флоренского А.С. Мамонтовой // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 2 / сост. и общ. ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1996. С. 409–410.
20. Письмо П.А. Флоренского А.М. Флоренской и детям. 23–28 нояб. 1933 г. // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / сост. и общ. ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1998. С. 43–51.
21. Письмо П.А. Флоренского А.М. Флоренской и детям. 22–24 нояб. 1936 г. // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / сост. и общ. ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1998. С. 598–603.
22. Письмо П.А. Флоренского А.М. Флоренской и детям. Янв. 1936 г. // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / сост. и общ. ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1998. С. 373–380.
23. Флоренский П.А. Записка о христианстве и культуре // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 2 / сост. и общ. ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1996. С. 547–559.
24. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Т. 1. М.: Правда, 1990. 490 с. Репринт 1914 года.
25. Флоренский П.А. Разум и диалектика // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 2 / сост. и общ. ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1996. С. 131–142.

26. Исупов К.Г. Павел Флоренский: наследие и наследники // П.А. Флоренский: pro et contra. Личность и творчество Павла Флоренского в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: Изд-во Русской Христианской Гуманитарной академии, 2001. С. 5–32.

27. Флоренский П.А. О цели и смысле прогресса // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / сост. и общ. ред. игумен Андроник (А.С. Трубачев), П.В. Флоренский, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1994. С. 196–204.

References

1. Florovskiy, G.V. Puti russkogo bogosloviya [Ways of Russian theology], in *P.A. Florenskiy: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Pavla Florenskogo v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: Antologiya* [Personality and work of Pavel Florensky in the assessment of Russian thinkers and researchers: Anthology]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Russkoy Khristianskoy Gumanitarnoy akademii, 2001, pp. 357–361.

2. Neretina, S.S. Berdyaev i Florenskiy o smysle istoricheskogo [Berdyaev and Florensky on the meaning of historical], in *Voprosy istorii*, 1991, no. 3, pp. 67–83.

3. Pis'mo P.A. Florenskogo A.M. Florenskoy i detyam. 4 apr. 1937 g. [Letter of P.A. Florensky to A.M. Florenskaya and children from 4th Apr. 1937], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sochineniya v 4 t., t. 4* [Works in 4 vol., vol. 4]. Moscow: Mysl', 1998, pp. 689–694.

4. Genisaretskiy, O.I. Prostranstvennost' v ikonologii i estetike svyashchennika Pavla Florenskogo [Spatiality in iconology and aesthetics of priest Pavel Florensky], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Stat'i i issledovaniya po istorii i filosofii iskusstva i arkheologii* [Sacred articles and research on the history and philosophy of art and archaeology]. Moscow, 2000, pp. 9–48.

5. Florenskiy, P.A. U vodorazdelov mysli [At the watersheds of thought], in Florenskiy, P.A. *Imena: Sochineniya* [Names: Written works]. Moscow: Eksmo-press; Khar'kov: Folio, 1998, pp.15–340.

6. Pis'mo P.A. Florenskogo O.P. Florenskoy i detyam. 6–12 apr. 1935 g. [Letter of P.A. Florensky to A.M. Florenskaya and children from 6–12th Apr. 1935], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sochineniya v 4 t., t. 4* [Works in 4 vol., vol. 4]. Moscow: Mysl', 1998, pp. 202–210.

7. Florenskiy, P.A. Troitse-Sergieva Lavra i Rossiya [The Holy Trinity-St. Sergius Lavra and Russia], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vol., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1996, pp. 352–369.

8. Florenskiy, P.A. Detyam moim. Vospominan'ya proshlykh dney [To my children. Memories of past days], in Florenskiy, P.A. *Imena: Sochineniya* [Names: Written works]. Moscow: Eksmo-press; Harkov: Folio, 1998, pp. 663–882.

9. Florenskiy, P.A. Ob istoricheskom poznanii [About historical knowledge], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sochineniya v 4 t., t. 3(2)* [Works in 4 vol., vol. 3(2)]. Moscow: Mysl', 2000, pp. 8–66.

10. Frank, S.L. Dukhovnye osnovy obshchestva [Spiritual foundations of society], in Frank, S.L. *Dukhovnye osnovy obshchestva* [Spiritual foundations of society]. Moscow: Respublika, 1992, pp. 13–146.

11. Pis'mo P.A. Florenskogo O.P. Florenskoy i detyam. 23 marta 1937 g. [Letter of P.A. Florensky to A.M. Florenskaya and children from 23th Mar. 1937], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sochineniya v 4 t., t. 4* [Works in 4 vol., vol. 4]. Moscow: Mysl', 1998, pp. 685–689.

12. Pis'mo P.A. Florenskogo A.M. Florenskoy, detyam i M.V. Yudinoy. 17–20 apr. 1936 g. [Letter of P.A. Florensky to A.M. Florenskaya, children and M.V. Yudina from 17–20th Apr. 1936], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sochineniya v 4 t., t. 4* [Works in 4 vol., vol. 4]. Moscow: Mysl', 1998, pp. 439–447.

13. Florenskiy, P.A. Analiz prostranstvennosti (i vremeni) v khudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniyakh [Analysis of space (and time) in art-graphic works], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Stat'i i issledovaniya po istorii i filosofii iskusstva i arkheologii* [Sacred articles and research on the history and philosophy of art and archaeology]. Moscow, 2000, pp. 81–258.

14. Pis'mo P.A. Florenskogo O.P. Florenskoy i detyam. 23–24 dek. 1936 g. [Letter of P.A. Florensky to A.M. Florenskaya and children from 23–24th Dec. 1936], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sochineniya v 4 t., t. 4* [Works in 4 vol., vol. 4]. Moscow: Mysl', 1998, pp. 624–627.

15. Florenskiy, P.A. Ponyatie Tserkvi v Svyashchennom Pisanii [The concept of the Church in Scripture], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vol., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1996, pp. 318–489.

16. Florenskiy, P.A. Pervye shagi filosofii [The first steps of philosophy], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vol., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1996, pp. 61–130.

17. Florenskiy, P.A. Florenskiy P.A. (avtoreferat) [Florensky P.A. (autoabstract)], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sochineniya v 4 t., t. 1* [Works in 4 vol., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1994, pp. 37–43.

18. Khaytun, S.D. Fundamental'naya sushchnost' evolyutsii [The fundamental essence of evolution], in *Voprosy filosofii*, 2001, no. 2, pp. 151–166.

19. Pis'mo P.A. Florenskogo A.S. Mamontovoy [Letter of P.A. Florensky to A.S. Mamontova], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vol., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1996, pp. 409–410.

20. Pis'mo P.A. Florenskogo A.M. Florenskoy i detyam. 23–28 noyab. 1933 g. [Letter of P.A. Florensky to A.M. Florenskaya and children from 23–28th Nov. 1933], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sochineniya v 4 t., t. 4* [Works in 4 vol., vol. 4]. Moscow: Mysl', 1998, pp. 43–51.

21. Pis'mo P.A. Florenskogo A.M. Florenskoy i detyam. 22–24 noyab. 1936 g. [Letter of P.A. Florensky to A.M. Florenskaya and children from 22–24th Nov. 1936], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sochineniya v 4 t., t. 4* [Works in 4 vol., vol. 4]. Moscow: Mysl', 1998, S. 598–603.

22. Pis'mo P.A. Florenskogo A.M. Florenskoy i detyam. Yanv. 1936 g. [Letter of P.A. Florensky to A.M. Florenskaya and children, Jan. 1936], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sochineniya v 4 t., t. 4* [Works in 4 vol., vol. 4]. Moscow: Mysl', 1998, pp. 373–380.

23. Florenskiy, P.A. Zapiska o khristianstve i kul'ture [Note on Christianity and culture], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vol., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1996, pp. 547–559.

24. Florenskiy, P.A. *Stolp i utverzhdenie istiny* [Pillar and assertion of truth]. Moscow: Pravda, 1990, vol. 1. 490 p.

25. Florenskiy, P.A. Razum i dialektika [Reason and the dialectic], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vol., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1996, pp. 131–142.

26. Isupov, K.G. Pavel Florenskiy: nasledie i nasledniki [Pavel Florensky: heritage and heirs], in *P.A. Florenskiy: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Pavla Florenskogo v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: Antologiya* [Personality and work of Pavel Florensky in the assessment of Russian thinkers and researchers: Anthology]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Russkoy Khristianskoy Gumanitar-noy akademii, 2001, pp. 5–32.

27. Florenskiy, P.A. O tseli i smysle progressa [Purpose and meaning of progress], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sochineniya v 4 t., t. 1* [Works in 4 vol., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1994, pp. 196–204.